

Шэнь Нянь никак не ожидал, что Гу Чжи просто возьмёт и уйдёт. Тот шёл на любые ухищрения, цеплялся за малейший шанс остаться, изо всех сил пытался сделать этот дом своим — настолько, что даже самому Шэнь Няню в нём не находилось места. И вдруг — собрал вещи и исчез.

За ошеломляющим осознанием этого факта Шэнь Нянь неожиданно различил странное чувство — зависть. Он искренне завидовал этой решимости: взять и шагнуть в неизвестность, ни о чём не жалея и не оглядываясь.

Впрочем, от одной лишь зависти проблемы не решались, а отвечать за последствия побега Гу Чжи Шэнь Нянь не мог и не собирался. Убедившись, что мальчишка действительно не вернётся, он без промедления набрал номер Шэнь Чуншаня. Отец снял трубку, долго молчал на том конце провода и наконец ровно произнёс:

— Ладно. Я вернусь через пару дней. Пока заяви в полицию, пусть ищут.

Шэнь Нянь подал заявление. Полицейские дотошно выясняли подробности: не замечал ли он за Гу Чжи чего-то странного перед исчезновением? Не случилось ли чего в семье? Не конфликтовал ли с ним кто-нибудь? Где был сам Шэнь Нянь, когда тот ушёл, и почему не остался дома? Оставлять младшего брата одного — дело нехорошее.

— Он мне не брат, — отрезал Шэнь Нянь.

Страж порядка на мгновение замер, сокрушённо покачал головой и ничего не ответил. Шэнь Нянь тоже умолк — добавлять было нечего.

Шэнь Чуншань вернулся лишь через два дня — осунувшийся, пыльный, будто мчался без сна и отдыха.

Гу Чжи так и не появился. У полиции тоже не было никаких вестей.

Отец отчаянно нервничал, и Шэнь Нянь уже приготовился к тому, что всю вину свалят на него — горький опыт прошлого научил ждать худшего. Однако, узнав, что сына почти неделю не было дома и тот понятия не имеет, когда именно сбежал Гу Чжи, Шэнь Чуншань не вышел из себя. В отличие от того жуткого дня после аварии, он не стал срывать злость и замахиваться для удара.

Он лишь застыл на месте, уставившись в одну точку.

Прошло немало времени, прежде чем отец горько, самоиронично усмехнулся:

— Не вини себя. Если Сяо Чжи решил уйти, он сбежал бы, даже сиди ты дома безвылазно. Твоей вины тут нет.

Бросив эти слова, он сразу отправился на поиски. Возможно, полицейским он и доверял, но уж точно не верил, что те будут искать мальчишку с усердием родного отца. Шэнь Чуншань сбивался с ног круглые сутки: свалился дома на пару часов забытья — и снова в путь. А если поиски уводили далеко, мог не появляться по нескольку дней.

Шэнь Нянь тоже пытался искать, но о Гу Чжи он знал слишком мало и не имел ни малейшего представления, куда тот мог податься. Оставалось лишь бесцельно бродить по улицам. Лян Цю тоже включился в поиски. Хотя он терпеть не мог Гу Чжи и считал его исчезновение благом для Шэнь Няня, речь шла о тринадцатилетнем подростке. Одному Богу известно, в какую беду мог вляпаться мальчишка, оставшись один на один с улицей. Хорошо, если всё обойдётся, а если нет? Даже если Шэнь Нянь не винил себя в случившемся, тревога всё равно не давала ему покоя.

Однако, несмотря на все усилия — они даже дали объявление в газету, — Гу Чжи будто сквозь землю провалился. Ни одной зацепки, ни единой вести.

Шэнь Чуншань провёл дома больше месяца, пока перед ним не встал жёсткий выбор: остаться и продолжать безнадежные поиски или вернуться в автоколонну. Он выбрал работу.

— Сяо Чжи ушёл, но жить-то нам всё равно надо, — сказал он Шэнь Няню. — Если появится хоть какая-то весть, сразу дай знать.

Шэнь Нянь пристально посмотрел на отца и после долгого молчания тихо спросил:

— Пап... Разве Гу Чжи не был для тебя так важен? Ты больше не будешь его искать?

— Важен, — вздохнул Шэнь Чуншань. — Очень важен. Но и ты мне важен. Через три года тебе поступать в университет, а это огромные расходы — и на учёбу, и на жизнь. Я не могу просто бросить работу. К тому же Сяо Чжи, похоже, прячется намеренно, иначе остался бы хоть какой-то след. Раз он не хочет здесь жить... что ж, пусть так. Это моя вина. Наверное, вообще не стоило забирать его сюда. Глядишь, попал бы в хорошую, заботливую семью, а не торчал бы тут в одиночестве, брошенный мною на произвол судьбы.

Отец умолк, переводя взгляд на Шэнь Няня. В его глазах мелькнуло странное, труднообъяснимое выражение:

— Впрочем... Тебя ведь я тоже всё время бросаю.

Шэнь Няню стало не по себе, и он отвёл взгляд, ничего не ответив.

— Потерпи немного, — больше отец ничего выдумывать не стал, лишь покровительственно похлопал его по плечу. — Вот подрастёшь ещё немного — станет легче. Взрослый человек сам выбирает свою дорогу.

Хотел того Шэнь Нянь или нет, но после той жуткой аварии отец изменился до неузнаваемости. Он словно исподволь, шаг за шагом, приучал сына к мысли, что рассчитывать нужно только на себя, что в этом мире он один. Но Шэнь Нянь искренне не понимал: разве все эти годы он и так не был один? Какая разница между «сейчас» и «потом», если одиночество остаётся неизменным?

Впрочем, развеивать сомнения сына Шэнь Чуншань не собирался. Высказавшись, он собрал вещи и уехал. С тех пор Шэнь Нянь долго его не видел; даже по телефону они созванивались от случая к случаю. Отец вечно пропадал в рейсах, крутя баранку и зарабатывая деньги.

Результаты выпускных экзаменов из средней школы пришли уже давно. Шэнь Нянь, как и ожидалось, сдал всё блестяще, заняв первое место по всему городу. Поскольку его школа и без того считалась лучшей, он решил продолжить обучение в ней же, перейдя в старшие классы. Администрация пошла навстречу и освободила юного гения от оплаты за все три года — не то чтобы это спасло его от нужды, но жизнь всё же ощутимо облегчило.

Лян Цю так и не озвучил своё окончательное решение, но Шэнь Нянь и без слов знал: тот уедет. И обязан уехать. Единственным якорем, державшим Лян Цю в этих краях, был сам Шэнь Нянь. Но позволить другу жертвовать собой он не мог. Не хотел и не имел права.

Спустя два дня после отъезда Шэнь Чуншаня Лян Цю заявился в Тростниковый переулок с чемоданами.

— На какое число билет? — спросил Шэнь Нянь.

До начала учебного года оставалось меньше трёх недель. Су Сяосяо уехала ещё месяц назад, а Лян Цю нужно было уладить вопросы с оформлением в новую школу, так что тянуть дальше было некуда.

— На следующую неделю, — ответил Лян Цю.

Шэнь Нянь улыбнулся и кивнул:

— Я провожу тебя в аэропорт. Ни разу в жизни не видел настоящих самолётов.

— Хорошо, — у Лян Цю улыбки не получилось.

Душная летняя ночь не давала уснуть. В комнате Гу Чжи стоял кондиционер, но ни один из них даже не заикнулся о том, чтобы перебраться туда, хоть спальня изначально и принадлежала

Шэнь Няню. Лян Цю слишком хорошо знал друга: с того самого момента, как Шэнь Няню намекнули уступить своё место новенькому, эта комната навсегда перестала для него существовать. Кто бы в ней ни жил в будущем, сам он туда не вернётся. В его жизни хватало лишений, но если у него что-то отнимали, он никогда не просил вернуть обратно.

— Пошли на крышу, — предложил Лян Цю. — Сто лет там не ночевали.

Так они и сделали. Поскольку на крышу давно не забирались, постель пришлось тащить наверх. Лян Цю взвалил на себя основную часть и, карабкаясь по лестнице с рулоном матрасов, проворчал:

— Сяо Нянь, если я сейчас сорвусь, полечу прямо на тебя. Будешь моим живым матрасом.

— Идёт, — отозвался Шэнь Нянь. — А потом залегу в больницу, и ты будешь за мной ухаживать.

Лян Цю цокнул языком, обозвал его бессовестным и влез на крышу. Шэнь Нянь неторопливо поднимался следом, сжимая в руках две подушки. Застряв посередине лестницы, он невольно бросил взгляд на окно бывшей своей спальни. В памяти мгновенно всплыла жуть, которую Гу Чжи корчил в свой самый первый вечер... Прошёл год. Тот же дом, та же липкая духота, но всё вокруг изменилось до неузнаваемости.

Постелив матрасы, Лян Цю так и не дождался друга с подушками. Заподозрив неладное, он свесился с края крыши и увидел, что Шэнь Нянь застыл посреди приставной лестницы, уставившись в темноту.

— Ты чего там застрял?

Шэнь Нянь очнулся и поднял голову:

— Да так, ничего.

Он проворно взобрался наверх, где Лян Цю подал ему руку.

Ночь выдалась ясной. В бездонном небушке мерцали россыпи звёзд, время от времени прочерчиваемые тонкой иглой падающих метеоров. Высоко над головой, ритмично мигая огоньками, бесшумно пролетали самолёты, медленно тая в ночной синеве.

— Будь ты девчонкой, я бы решил, что это чертовски романтично, — нарушил молчание Лян Цю. — Любоваться луной и звёздами положено с девушкой.

Шэнь Нянь с невозмутимым лицом пихнул его ногой в бок:

— Можно подумать, я от тебя в восторге.

Лян Цю расхохотался:

— Ладно, вырастем — вернёмся сюда уже с девчонками. Соберёмся все вместе прямо тут, в Тростниковом переулке, на этой самой крыше, и будем считать звёзды.

Шэнь Нянь попытался представить себе это будущее. В его воображении легко возникла картина: он сам, Лян Цю, его будущая жена и даже их шумные ребяташки. Вот только себя рядом с какой-нибудь девушкой он вообразить так и не смог. Почему? Из-за юного возраста, или он в глубине души не верил, что у него вообще когда-нибудь будет семья?

Шэнь Нянь не знал ответа. Но он точно знал одно: Лян Цю обязательно обретёт счастье. Тот словно родился под счастливой звездой.

— Сяо Нянь, — не сводя глаз со звёздного неба, тихо проговорил Лян Цю. — Я буду часто приезжать. Свой мобильник оставляю тебе, а как приеду в Шанхай — куплю новую симку и сразу наберу. Звони и пиши в любое время, по делу и просто так. Я всегда буду на связи. Как раньше.

Шэнь Нянь не стал отказываться:

— Хорошо.

— Знаю, радоваться жизни тебе непросто. Но если станет совсем паршиво — сразу говори мне. Я подниму тебе настроение, ты же знаешь, я умею.

— Хорошо.

— И хватит сидеть за учебниками день и ночь. Учишься ты и так лучше всех. Займись спортом. Не хочешь играть в мяч — хотя бы гуляй по стадиону пару кругов в день. Кроме дождливых дней, ладно?

— Хорошо.

— Заведи себе друзей, — добавил Лян Цю. — Я ревновать не буду. Всё равно знаю, что лучше меня у тебя никого нет.

Шэнь Нянь усмехнулся:

— Хорошо.

Лян Цю повернул голову. В ночной тьме вырисовывался лишь хрупкий силуэт друга.

— Через три года поступай в Шанхай. Я буду ждать.

— Хорошо.

— Ты другие слова вообще знаешь?

Шэнь Нянь тихо засмеялся:

— Лян Цю, ты ворчишь, как старая бабка.

Тот лишь цокнул языком, не став спорить:

— Уеду — буду ворчать ещё пуще.

Если не напомнить обо всём тысячу раз, этот упрямец и пальцем не шевельнёт.

В день отъезда Лян Цю небо затянуло серыми тучами. Оба встали ни свет ни заря, а Шэнь Нянь — и того раньше, чтобы приготовить другу на дорогу горячую лапшу. Лян Цю не был голоден, но умял всё до последней капли. На автовокзал и далее в аэропорт они отправились вместе. Дорога на междугороднем автобусе заняла около часа. В пути Лян Цю отдал ему свой телефон. Шэнь Нянь покрутил аппарат в руках и широко, сияюще улыбнулся — так, словно они отправлялись не расставаться на долгие годы, а ехали вместе в летний лагерь.

Лян Цю пару секунд всматривался в его лицо, а затем тяжело отвёл взгляд. Улыбка на лице Шэнь Няня тут же угасла, и он уставился в туманное окно.

Они выехали поздновато, поэтому в аэропорт прибыли почти под занавес регистрации. И всё же Лян Цю провёл Шэнь Няня по всему маршруту, подробнейшим образом объясняя: где распечатать билет, где сдать багаж, где пройти досмотр...

— Пройдёшь контроль — и ищи свой гейт на посадку.

Шэнь Нянь внимательно кивал, запечатлевая в памяти каждую деталь:

— Я понял.

— Если станет совсем неважно и захочешь приехать ко мне в Шанхай — только звякни, я сам куплю тебе билет.

Шэнь Нянь никогда не принимал чужую помощь легко, но в эти дни соглашался со всем, что бы ни давал и ни говорил Лян Цю. И сейчас он лишь повторил:

— Хорошо.

Он прекрасно понимал, за что переживает друг. Чем покорнее он кивал, тем спокойнее было у того на душе.

Но от этой покорности сердце Лян Цю сжималось ещё сильнее. Увы, они были слишком малы, чтобы распоряжаться собственной жизнью, и вынуждены подчиняться чужой воле.

Время поджимало. Шэнь Нянь подтолкнул его к стойке досмотра, но Лян Цю лишь широким жестом раскрыл объятия:

— Дай обниму.

Шэнь Нянь с улыбкой качнул головой, но Лян Цю крепко сжал его в объятиях:

— Перестань быть послушным паинькой. Захочешь выкинуть что-нибудь безумное — дерзай, я прикрою.

Все вокруг твердили: будь послушным, слушайся взрослых, будь рассудительным... И никто никогда не говорил ему: ты имеешь право на бунт, ты не обязан быть правильным. Сердце Шэнь Няня болезненно кольнуло, но он сдержался и ответил с лёгкой улыбкой:

— Ладно. Я понял.

Лян Цю разжал руки, подхватил стоявший у ног рюкзак и шагнул за ограждение. Шэнь Нянь остался за перегородкой, не сводя с него глаз. Пройдя рамку и забрав вещи, Лян Цю помахал ему рукой и пошёл к выходу на посадку. И вдруг Шэнь Нянь, переступив через собственную сдержанность, крикнул на весь зал:

— Лян Цю!

Тот замер и обернулся. Шэнь Нянь улыбнулся во весь рот и, изо всех сил маша рукой, закричал:

— Брат! Счастливого пути!

Рука Лян Цю от этого слова — «Брат» — застыла в воздухе. Спустя мгновение он замахал с удвоенной силой, а потом, понимая, что опоздает, развернулся и припустил бегом.

А Шэнь Нянь остался стоять. Он стоял долго-долго — до тех пор, пока за огромным панорамным окном один за другим не начали взлетать и заходить на посадку стальные птицы.

В одном из тех улетающих самолётов был Лян Цю.

<http://bllate.org/book/20601/2140646>